

От издателя

Борис Камов — педагог, публицист, прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов РФ, дипломированный народный целитель, разработчик «Чая Б. Н. Камова». Изучает и применяет средства народной медицины более 50 лет. Им разработаны оригинальные методики безлекарственного оздоровления детей, которые отстают в физическом, психическом, речевом развитии; методики лечения хронических заболеваний нервной системы, дыхательных путей, пищеварительных органов, печени, мочеполовой системы, кожи.

В книге «Реальность чуда» автор знакомит прежде всего с главными аспектами своего метода безлекарственной помощи онкологическим больным. Этот способ лечения относится к сопроводительной терапии. Ученые и врачи называли его «методом Б. Н. Камова». Автор проанализировал разные виды осложнений, которые возникают в процессе противоопухолевого лечения, и предлагает средства и способы их купирования.

Метод Б. Н. Камова пять с половиной лет применялся в Консультативной поликлинике Морозовской детской городской клинической больницы города Москвы, где пациентами были по преимуществу дети с острым лейкозом и другими заболеваниями крови. Без малого два года та же методика проверялась и применялась в Научно-исследовательском институте детской онкологии и гематологии Российского онкологического научного центра им. Н. Н. Блохина РАМН. Здесь возможностями этого способа лечения воспользовались дети с разными формами онкологических заболеваний, о чем подробно рассказано в книге.

Главный вывод, сделанный специалистами в результате многолетней проверки, — метод Б. Н. Камова несомненно помогает и не имеет противопоказаний.

Книга написана в свободной повествовательной манере и содержит большое количество уникальной информации. В ней впервые обнародованы многие секретные технологии восточных методов лечения.

Эта книга адресована врачам-онкологам, педиатрам и «взрослым» терапевтам; психологам,

психотерапевтам, педагогам; родителям тех детей, которые страдают онкологическими и другими тяжелыми заболеваниями; всем, кто нуждается в дополнительной помощи в процессе лечения хронических недугов.

От научного редактора

В 1950 году у ленинградского школьника Бориса Камова заболела мать: пиелонефрит. Лучшие медики города на Неве не сумели ей помочь.

Полтора десятилетия спустя у московского журналиста Бориса Камова заболел сын: снова пиелонефрит. На этот раз уже столичные врачи заявили о своем бессилии. Тогда Борис Камов решил, что займется спасением своего сына сам. При этом времени у него было в обрез.

Таков очень давний первотолчок событий, которые легли в основу книги «Реальность чуда».

Борис Камов стал изучать медицину Востока, отечественные народные средства оздоровления — и сына своего вылечил. А вслед за тем помог исцелению многих чужих детей и взрослых.

В итоге мы получили высококвалифицированного врача-практика и знатока истории медицины: краткая ретроспекция путей развития медицинской науки Востока и Запада с древних времен до наших дней, которую мы находим в книге, уникальна.

«Реальность чуда» — не имеет аналогов. Прежде всего, это мемуары, рассказ о том, как человек с образованием школьного учителя искал и нашел способы альтернативного лечения одного из самых опасных заболеваний — пиелонефрита.

В народе замечено: «Беда не приходит одна». Но, как увидит читатель, — бывает, что и удача тоже не приходит одна. Многие разработки, сделанные Борисом Камовым: особый питьевой режим, композиции лекарственных трав (запатентованные под маркой «Чай Б. Н. Камова»), оригинальный способ горячего мытья, — соединенные с упражнениями из арсенала йогов (в первую очередь дыхательными), оказались пригодны не только для лечения почек.

Сегодня самая драматичная отрасль медицины — онкология. Здесь тяжело всем — и больным, и врачам. Борьба идет иногда не просто за жизнь человека — но и за каждый день этой жизни. Современное лечение злокачественных опухолей в большинстве случаев высокоэффективно, но при этом тяжело переносится организмом. Борис Камов цитирует древнего философа

Сенеку: «Некоторые лекарства опасней самой болезни». Часто: если больной сумеет перенести «испытание лечением» — химиотерапию или лучевую терапию, — он получает шанс выздороветь и вернуться к нормальной жизни.

И вот выяснилось, что те же самые народные средства, которые Борис Камов применял для лечения общетерапевтических недомоганий, способны уменьшить осложнения, которые возникают в процессе онкотерапии, а иногда и вовсе эти осложнения устранять. Для этого он использует очень простые способы: гидротерапию, в любом состоянии доступные дыхательные упражнения и природный дар лекаря: энергетическое контактное или бесконтактное воздействие на больного.

Борис Камов рассказывает, как ему удалось — шаг за шагом — разработать комплексную технологию лечения таких больных. Он ее назвал *сопроводительной*. Эта технология была официально признана ведущими детскими онкологами и получила название «метод Б. Н. Камова».

Особо хочу отметить: «метод Б. Н. Камова» был создан «на ходу» — вне стен лабораторий. И в одиночку. А универсальность этого способа лечения объясняется относительно просто. Борис Камов искал не средства воздействия на тот или иной орган. В полном соответствии с принципами народной медицины автор книги нашел пути пробуждения ресурсов самого организма. «Даже у тяжелобольного человека, — пишет Борис Камов, — они велики».

В общей сложности десять лет автор применял свой метод лечения в учреждениях Детского фонда им. Ленина, поликлинике Морозовской детской клинической больницы г. Москвы, в Научно-исследовательском институте детской онкологии и гематологии Российского онкологического научного центра им. Н. Н. Блохина и в других лечебных учреждениях.

Борис Камов наглядно демонстрирует, какими богатствами оздоровительной информации, накопленными за многие тысячелетия народными медиками, обладает человечество. Автор эти богатства не только перечисляет. Вот уже четыре десятилетия он сам умело и продуктивно ими пользуется.

В кратком предисловии я нарочно ухожу от научного анализа книги «Реальность чуда». Изложенные в ней принципы безопасного альтернативного лечения, десятки на редкость простых методик лечения тяжелейших осложнений, продемонстрированные автором в действии, в процессе помощи конкретным пациентам, требуют множества страниц и подробного разбора.

Внимания в этой работе заслуживают все, начиная с диалогов, которые автор ведет со своими пациентами — детьми и взрослыми. Разговор становится началом лечения. Разговор, пробуждение нравственных сил, случается, поддерживает больного в экстремальных ситуациях, пока удастся пустить в ход средства более радикальные.

Тем, кто просто любит книги, финал которых невозможно предсказать, я говорю: прочтите «Реальность чуда». Здесь вы найдете ни на что не похожий сюжет, подсказанный самой жизнью. Тут есть драматические конфликты, есть портреты реальных людей, характеры и судьбы. Вас может увлечь и стремительный, парадоксальный, эмоциональный ход авторской мысли. Короче, это настоящая, новая литература. Десять лет назад такая книга появиться на свет не могла.

Тем, кто страдает от тяжелых и давних заболеваний и пока что вместе с врачами не нашел результативных средств борьбы с ними, я говорю: прочтите «Реальность чуда». Вполне вероятно, что именно здесь отыщутся ясные ответы на те вопросы, которые вас давно тревожат.

Наконец, коллегам-врачам я тоже рекомендую: прочтите. Это уникальное собрание понятной, доступной, давно выверенной и практически полезной информации может стать вашим добрым советчиком и помощником во многих сложных ситуациях.

В заключение могу только сказать: работа над рукописью книги «Реальность чуда» в качестве научного редактора доставила мне большое удовольствие.

А многие бесспорно полезные вещи, рекомендованные Борисом Камовым, вошли и в мою жизнь.

Виктор СИМАКОВ,
кандидат медицинских наук

От автора

Пред вами, читатель, лечебник — но необычный. Можно лечить, выписывая столбцом рецепты, с которыми следует бежать в аптеку. А можно помочь выздоровлению, рассказывая поучительные случаи и делясь опытом. Так поступали в древней Греции. Больного выносили на улицу. Каждый прохожий, если он когда-то страдал похожим недугом, обязан был поделиться — что ему помогло. Вот почему на этих страницах я часто обращаюсь к событиям жизни собственной и близких мне людей.

Кому-то покажется: в такой работе, в лечебнике, мемуарную часть можно бы и опустить, но тогда читателю будет непонятно, как абсолютно книжный человек, учитель-словесник и журналист, завсегдатай литературных и исторических архивов, автор книг и фильмов для детей сделался йоготерапевтом и целителем.

А любому из нас, какую бы книгу мы ни открыли, важно знать: откуда автору известно то, о чем он пишет. И вообще: «Можно ли ему верить?»

Так что книга эта не для пролистывания в автобусе. Приготовьтесь, уважаемый читатель, к неспешному чтению.

Но если надо спешить, откройте оглавление.

Знаком совы и в тексте, и в оглавлении отмечены разделы, которые содержат практические рекомендации. Сова в мифологии, если помните, — хранительница древней мудрости.

Многие рекомендации и советы, которые вы здесь найдете, автор в непростых обстоятельствах проверил на себе и дорогих для него людях. Так сложилось... Поэтому рекомендую все без малейшей опаски.

Буду признателен за любые отклики, уточнения и дополнения.

* * *

Обо всех, кто мне помог на моем пути врачавателя, я рассказываю в книге.

А во вступлении, по горячим следам, хочу выразить благодарность моему другу и блистательному хирургу,

знатоку истории медицины Виктору Ивановичу Симакову, который согласился стать научным редактором этой книги, демонстрируя возможность продуктивного сотрудничества представителей двух разных ветвей медицинской науки.

Благодарность и моему единомышленнику, разработчику редких по целебности препаратов на природной основе Светлане Петровне Аникеевой.

Низкий поклон им за помощь, многочисленные замечания и большой труд, вложенный в страницы этой книги.

***ПОДВИГУ детей и взрослых,
страдающих раком; подвигу врачей
и ученых, которые вместе с больными
самоотверженно боролись и борются
со злокачественной клеткой,
ПОСВЯЩАЮ.***

***Примите скромную лепту в
поддержку и помощь.***

«ДО СИХ ПОР БОЮСЬ ВИДА КРОВИ»

Лет тридцать назад существовала мода. Газетчик на две-три недели шел работать, продавцом, почтальоном, нянкой в детский сад, наконец, таксистом, а затем выпускал книгу под грифом «Журналист меняет профессию».

У меня же получилось так: более сорока лет, не отрываясь от пишущей машинки (ныне — компьютер), я лечил и продолжаю лечить людей. Поскольку мы теперь живем в меркантильный век и даже с экрана телевизора от нас требуют сведений о доходах, вынужден заявить: за первые тридцать лет своей целительской деятельности я не взял с больных ни одного рубля. Ни одной бутылки. Ничего. Единственный мой гонорар, который я согласился принять, — мне привезли из Швейцарии клеенку. На ней были изображены редкой красоты экзотические фрукты. Сейчас такую клеенку и такие фрукты в натуральном виде можно купить на любом рынке. А тогда это был редкий, специально для меня заказанный подарок.

Как это станет видно из дальнейшего повествования, мы с сыном, восемь с лишним лет официально проработав в качестве целителей в стенах государственных медицинских учреждений, не получили там ни копейки жалованья и не взяли ни копейки платы с больных. На жизнь зарабатывали когда чем.

Скажем, в советские времена меня и семью кормили прежде всего газетно-журнальная поденщина, радио, телевидение, фильмы и книги. В годы перестройки, поступив на службу в Детский фонд им. Ленина, а там и

в коммерческий медицинский центр, я стал, наконец, получать жалование как целитель.

Читателю, вероятно, будет любопытно узнать, что езжу я до сих пор на «ладе»-«шестерке». Третьей по счету. Пересаживаться на иномарку пока не планирую.

Но самый главный вопрос, который мне чаще всего задают: как меня угораздило стать целителем? Как удалось сконструировать семь ныне запатентованных «Чаев Б. Н. Камова», которые теперь ежедневно пьют сотни людей? Наконец, и это самое трудно объяснимое, — как я, учитель-словесник по образованию, сумел разработать «метод Б. Н. Камова» по безлекарственному сопроводительному лечению онкологических больных? Наши выдающиеся медики-онкологи не только признали метод нужным и полезным. Они еще установили, что он абсолютно безвреден.

В детстве и юности я даже не пытался представить себя врачом: всегда боялся и до сих пор боюсь вида крови. Но поскольку врачом-терапевтом, хоть и поневоле, я стал, и опыт мой в социально-психологическом плане уникален, я все же постараюсь случившееся объяснить. Для начала перечислю «узловые» моменты собственной биографии.

Родился я 5 августа 1932 года в Ленинграде. Случилось это в роддоме в Демидовом переулке возле Сенной площади. По загадочному стечению обстоятельств полтора года спустя там же родилась моя будущая жена, Элла Гдальевна. Через тридцать лет, в Москве, мы случайно с ней обнаружили, что наши свидетельства о рождении написаны одной рукой на одинаковых бланках.

Жил я с родителями и бабушкой в доме возле той же Сенной площади. Раньше наша квартира целиком принадлежала моему деду, Борису Лазаревичу Клупту, купцу второй гильдии, удачливому человеку редкой красоты и доброты. Умер он в 1924 году. Имя мне дали в память о нем. И я до сих пор грущу, что мы с ним не встретились.

После «уплотнения» нашей семье досталась одна большая комната и одна совсем крошечная. По коридору нашей уже коммунальной квартиры я катался позднее на самокате.

Здесь мы прожили осень и зиму 1941—42 гг. В девять лет я дежурил на крыше во время воздушных тревог. Ходил по городу за водой, за хлебом и с поручениями, зная, что детей крадут и зная, для чего...

Блокада отучила меня от детских страхов, привила черты характера, которые не утратили своей необходимости до сих пор. Потом, в эвакуации, я узнал и полюбил крестьянскую работу. Стихотворение А. Н. Некрасова «Мужичок с ноготок» мне было очень близко. Но подробно на всем этом я сейчас останавливаться не буду.

В 1944 году мы вернулись в Ленинград. Дом наш был угловым. Он выходил на Садовую улицу и в Таиров переулок. Этот переулок, особенно дом четыре, славился в округе по двум причинам.

Первая — будто бы в доме четыре в свое время «от ищеек самодержавия» прятался Владимир Ильич Ленин. Если бы он прятался там и сегодня, его бы тоже не нашли. На это имелась причина вторая.

Дом четыре из века в век поставлял Петербургу кадры «тяжелого криминала» и ослепительно хорошеньких девочек общественного пользования. Это был как бы завод. Лет двести он безостановочно выпускал человеческую продукцию одного и того же назначения.

Проверить версию относительно Ленина я не сумел. А вторая на моих глазах подтверждалась ежедневно. Однажды с балкона я увидел четверых молодых парней в штатском, но в начищенных хромовых сапогах в гармошку. Это была цеховая униформа профессиональных воров. Они двигались как бы независимо друг от друга. Внезапно, в одну секунду, эти четверо рванулись и сбили с ног пятого — человека в ботинках с новыми галошами. Каждый из налетчиков умело, без суеты, ударил его сапогом с подковками всего по одному разу. И несчастный уже не встал.

Видел я (уже начиная заглядываться) симпатичных, стеснительных девочек все из того же дома. Если я отваживался с ними заговорить, они густо краснели. От приглашений в кино или Дом пионеров испуганно отказывались. По какому-то полуцыганскому, полуворовскому неписаному кодексу этим девочкам полагалось в 14—15 лет становиться «марухами» — общими безотказными сексуальными «станками» для

«братвы». За пять-шесть лет такое стеснительное, неземное существо превращалось на моих глазах в полуседую, опустившуюся, растолстевшую клушу. Издали завидя меня, бывшие девочки закрывали платком лицо и уже никогда не здоровались.

Рассказываю не для экзотики, не в качестве историка петербургских трущоб. Отчасти это была и моя среда. Отец четвертый год находился на фронте. Мать была в заботах, чем накормить. Я тянулся к старшим товарищам из моего дома, которые были связаны с нелюдимыми и опасными соседями. У каждого на боку, под пиджаком, была финка, выпиленная из рашпиля, с наборной пластмассовой рукояткой. Вместо финок затем появились пистолеты, найденные в заброшенных окопах под Ленинградом. Был одно время пистолет ТТ с полной обоймой и у меня. В 13 лет. Я иногда таскал его неизвестно зачем. До сих пор помню волнующую и пугающую его тяжесть на животе, за брючным ремнем или в кармане пальто.

Оружие обладает над нами какой-то властью и живет своей внутренней, нам недоступной жизнью. Именно поэтому даже старый незаряженный дробовик раз в году непременно стреляет. Вспомним: слепой дурной выстрел где-нибудь дома или на охоте или во время чистки оружия, как правило, заканчивается чьей-то смертью. Наповал.

Особенно сложна взаимосвязь «подросток и оружие». Ее очень тонко понимал Аркадий Гайдар. Когда в повести «Школа» в руки к 12-летнему Борису попадает маленький маузер, это переворачивает всю жизнь мальчишки. Обратите внимание: первый нечаянный выстрел Борис делает в толпе сверстников, в собственной школе... По счастью, в потолок. А жертвой второго, уже в прифронтовой полосе, становится сверстник Бориса...

Меня от нелепых выстрелов из ТТ в любую сторону спасло только Провидение. Собственной дурости тогда еще хватало. До катастрофы порою оставалось меньше полушага.

...Помню тот день, когда без лишних формальностей мне предстояло сделаться полноправным членом воровского сообщества. Мы без труда проникли на какой-то продовольственный склад. Там не было

ни души. Мне сказали: «Борька! Не дрейфь! Бери, сколько унесешь. Дома пригодится». Стоял 1944 год. Дома голодали. Но я ничего не взял. Даже не притронулся.

Довольно скоро моих наставников арестовали по «расстрельной» статье: где-то с помощью трофейного парабеллума (который я тоже однажды держал в руках) они «намокрили».

Мне жаль тех ребят. Я-то видел их с лучшей стороны и до сих пор благодарен, что мои товарищи не заставили меня (как принято в той среде) в чем-нибудь бесповоротно увязнуть. В войну людские судьбы перемалывались с устрашающей легкостью. А здесь и судьбы-то еще не было. Она только начиналась.

С осени 1944-го, когда стремительно произошли эти нелепые события, во мне навсегда поселилась ненависть к тому, что именуется *взять чужое*. И ненависть к тем, кто *брал* и *берет*. То, что я позднее занялся журналистскими расследованиями, тоже пришло ко мне из 1944-го.

Отец, Николай Иосифович, в пять лет научил меня читать. Прочитал я немало. Понятия, образы, сюжеты, почерпнутые из исторических, естественно-научных, фантастических книг и даже из классических романов со временем весьма своеобразно откристаллизовались у меня в голове в «научную информацию», которая при необходимости легко обрастала дополнительными, очень точными подробностями. Запасами из кладовых детской памяти я пользовался и в работе над «Реальностью чуда».

В детстве и потом занимались мною мало. Больше с горечью, нежели с гордостью, говорю: «Я — самоучка!» Теперь я четко понимаю: сам, упорством, я брал больше, нежели мне давали. И с сожалением думаю: «А если бы меня чему-нибудь еще и как следует научили?»

В 1946 году, когда мне исполнилось 14 лет, я вдруг записался в «Бригаду содействия милиции». Это был экспериментальный коллектив. Возникла идея готовить из мальчишек будущих элитарных оперативников. Время от времени нас собирали для занятий. Потом давали задания. Послевоенный Ленинград был переполнен жульем, ворами, махинаторами. Меня влекла романтика. Вблизи полусыскная работа была

не столь привлекательна. Не исключаю, что, попривыкнув, я бы остался в «системе», осел в «органах». Но отвлекли два события.

Первое. На меня обратил внимание школьный преподаватель физической культуры. Посоветовал («пока самостоятельно») тренироваться в беге. Каждый день после уроков я «наматывал» круги. А потом физрук выдвинул меня на районные соревнования. Бежать пришлось 1000 метров в Юсуповом саду неподалеку от школы и от дома. Я занял первое место.

В ознаменование такой победы в школьном холле на специальном стенде поместили увеличенный портрет «чемпиона». Начались разговоры о моей уникальной «бегучести», «индийской легкости шага» и, естественно, о необходимости «растить дарование». Закончились они по обыкновению ничем. Но легко и быстро я хожу до сих пор. А если опаздываю, могу припустить и за троллейбусом.

А вторым событием стало мое увлечение художественной самодеятельностью. Я готовил школьные концерты к разным датам. Они собирали много народу. Приходили даже из соседних школ. Я исполнял обязанности конферансье. Злоупотребляя «служебным положением», через номер сам читал стихи и монологи из пьес. Читал очень громко. Мой друг меня даже предупредил: «Сорвешь голос. Будешь всю жизнь сипеть». По чистой случайности поначалу все вышло наоборот.

Я выбирал такие монологи, где начинать нужно было очень тихо. Потом я читал все громче. Наконец, орал так, что в актовом зале вибрировали стекла. Мне было 15 лет. Голос мой ломался. Моя система чтения на самом деле голос тренировала и развивала. В результате я мог свободно перекричать весь класс. При этом голос оставался рокоchущим, гибким, если нужно, мягким. Я легко брал высокие ноты. Легко и низкие: формировался густой баритон, готовый со временем перейти в бас. Потом специалисты определили: у вчерашнего десятиклассника среднего роста и средней комплекции — целых две октавы.

Кем быть — для меня этот вопрос был решен: разумеется, актером. Мама сильно возражала. Ее смущали нравы в актерской среде. Чтобы получить поддержку, я обратился к двум очень известным

ленинградским мастерам. Александр Федорович Борисов только что сыграл академика Павлова в нашумевшем одноименном фильме. Он пригласил меня к себе, выслушал и сказал: «Толк будет».

Затем я попал к Леониду Сергеевичу Вивьену, художественному руководителю Александринки, профессору Ленинградского театрального института. Ему я прочитал «Паж или пятнадцать лет» А. С. Пушкина. Затем — на несколько голосов — большой отрывок из некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Вивьен сказал: «С будущего учебного года я вас беру к себе в мастерскую. Просьба одна — не провалиться по истории или на сочинении». Это означало: я был принят на курс за восемь месяцев до начала вступительных экзаменов.

Экзамены я сдал. Еще до начала конкурса, на консультациях, послушать мой голос приходили другие преподаватели — актеры театров. Они просили что-нибудь прочесть, слушали, качали головами. Голос мой был послушен, силен и для окружающих непонятно каким образом поставлен. Когда я с кем-нибудь беседовал, грудная клетка рокотала.

Вдобавок я обнаглел: начал петь (на слух) романсы и даже оперные арии. Однажды я приехал в деревню. Шел по улице. Думая, что никто меня не слышит, запел. Кажется, арию царя Бориса. Ко мне подошла немолодая женщина:

— Послушайте, молодой человек, — сказала она. — У нас есть церковь, но нет батюшки. А у вас голос, как у нашего покойного дьякона. Вы не согласились бы провести службу? Хотя бы одну? Мы вам заплатим.

Я тогда был далек от религии. Придерживался «убеждений», изложенных в пятикопеечном уставе комсомола. Я смутился и убежал.

Но вскоре по мне как бы прокатился каток. На уроках сценической речи преподаватель Руднева обучала меня гекзаметру (упражнению по развитию голоса) по шаблону. Она ни разу не уделила мне и десяти минут. Ставить голос, как я теперь понимаю, мне было не нужно. А требовалось научить, как его сохранить (что, в отличие от Рудневой, понимал еще мой школьный друг). В 18 лет формирование систем

организма еще продолжалось. Связкам было можно помочь. А можно было и навредить.

Короче: к концу семестра две мои роскошные октавы — все мои восемь голосов — от дисконта до протодьяконского, из пупка пробивавшегося баса — слились в один — сильный, глухой, лишенный полутонов и оттенков. «Вам только Каренина с вашим голосом играть. Больше ничего», — так без тени юмора оценила свою работу товарищ Руднева.

Через десять лет, когда я начал выступать на радио и ТВ, режиссеры сатанели от моего ужасного, однотонного усыпляющего полубаритона. Они предпочитали, чтобы мои рассказы от первого лица о моих поисках и находках читали бы актеры, а то и актрисы, обычно исполняющие роли мальчиков в радиоспектаклях.

Меня это уязвляло. Я подобрал теперь уже йоговские упражнения и поставил себе голос во второй раз. Связки начали производить живой звук. Но прежний «бархат голоса моего», из которого можно было «шить штаны», восстановить я не сумел. Для этого нужно было вернуться в восьмой класс.

Потом лишь я узнал: бездарность питерских «мастеров голосовых дел» удостоилась анекдота: «Вы знаете, кто такой воробей? Это соловей, который закончил Ленинградскую консерваторию». Я мог добавить: «И Театральный институт».

Чувствовал я себя в институте все неуверенней. На зимней сессии меня из мастерской отчислили. Это была первая «социальная» катастрофа в моей жизни. По сегодняшним меркам — наименьшая.

Я поступил в Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. Закончил отделение русского языка и литературы. Затем аспирантуру по кафедре советской литературы. Институт расширил мой кругозор, научил меня постигать многозначность текста и научил работать с документами.

У меня была возможность остаться преподавать в институте, но в Москве меня ждали жена и сын. Я переехал в столицу. Здесь меня сначала полтора года не прописывали (детали опускаю). Я регулярно беседовал с участковым милиционером. На первых

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru